

Алина
Кускова

ЛЮБОВЬ
со всеми
удобствами

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Алина Кускова

Любовь со всеми удобствами

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=644095
Любовь со всеми удобствами: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-50623-1

Аннотация

Экотуризм нынче в моде. Отсутствие элементарных удобств и рукомойник под яблоней входят в стоимость тура. А уж если такой отдых можно организовать бесплатно – вдвойне хорошо.

К тому же отдых в деревне – это не только свежий воздух, мычащие коровы, которых вы до сих пор видели только на картинках, но еще и романтика! Вас никогда не целовал деревенский мачо? О, вы многое потеряли!

Наша героиня, Катерина Павлова, не даст соврать: любовь на фоне деревенского пейзажа – залог самых что ни на есть крепких отношений.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	27
Глава 3	46
Глава 4	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алина Кускова

Любовь со всеми удобствами

Георгий Карпатов сидел в своем кабинете, оборудованном в мансарде второго этажа, и пытался сосредоточиться. Ему предстояло написать роман-эпопею об отношениях полов в современном мире. В раскрытое окно залетал свежий июльский ветерок, доносивший до писателя запах обычной русской деревни – ничем не прошибаемый аромат силоса и звонкие голоса местных жителей. Среди них была она.

Она не была простой деревенской хохотушкой. Невысокая шатенка с огромными, наивно распахнутыми в мир синими глазами приехала из города. Карпатов привстал для того, чтобы увеличить обзор из окна. Так... сейчас она пройдет с пустым ведром мимо его дома. Поздоровается с огородным чучелом – издали ей не видно, что нечто, одетое в льняной костюм и шляпу, не является живым существом. Она здороваются с чучелом три дня подряд. Сначала Карпатов думал, что таким образом она издевается над ним, потом догадался, Синеглазка стесняется носить очки. Теперь она остановится у колодца, подпрыгнет, достанет ручку барабана, повиснет на ней, заденет ногами ведро, уронит его, побежит поднимать, споткнется о ступеньку, свалится... Все точно так же, как и

вчера. Вода достается ей слишком дорого. И ту она не доносит до дома. С первого раза.

Карпатов подошел к окну, достал сигарету, прикурил и посмотрел на часы. Скоро Анюта выгонит на улицу гусей, которых Синеглазка боится до смерти. Жили у бабуси три веселых гуся. Вот и они: один серый и еще парочка белых. Горластые, все в хозяйку. Бегают так же – вперевалочку. Да не догонят, не догонят, эх! Всю воду расплескала. Сейчас отсидится за калиткой, подождет, пока гуси, гогоча над ней, отправятся на луг, и повторит попытку. Так, подпрыгнула, повисла, уронила, упала. Все как по заранее спланированному графику. Набрала, пролила, хорошо, хоть не все.

Да все она и не донесет. Перегнулась, как тростиночка на ветру, и тащит свое ведро. Сколько она там набрала воды? На чай-то хватит? Или снова будет огурцы выжимать в кружку? Карпатов высунулся из окна и попытался определить уровень воды в ведре соседки. Эх, заметила! И что его заставило высовываться?! Теперь придется снизойти до нее и мотнуть ей в ответ головой, как он делал это уже три дня подряд. Три дня назад она приехала, и работа над романом остановилась на точке замерзания. Двор Синеглазки находится как раз напротив кабинета Карпатова. Жизнь городского существа, совершенно не приспособленного к местным реалиям, напоминала борьбу за выживание динозавров в условиях начинающегося ледникового периода.

Тяга к воде Синеглазки проявляется нездоровым образом.

Каждое утро она умывается. Из-за сложности с добычей воды она спускается с бугра к реке с ванными принадлежностями. Поскальзывается, падает, теряет щетку-пасту, собирает... Отлично, то же самое она делала и вчера. Стоп! Сегодня в ее руках голубой таз с бельем. Она собралась стирать! Карпатов нервно затушил сигарету в горшке с геранью и снова высунулся в окно. Эх, не с кем сейчас поспорить, что это чудо вернется с реки непокалеченным. Он усмехнулся и сел за стол. Итак, начало книги... Он прищурил глаза и задумался. Она наклонится к реке, и оттуда наверняка выскочит крокодил, который заплывл в Оку специально для того, чтобы тяпнуть Синеглазку за нос. Или она зачерпнет воды, и в таз попадет стая пираний... Кричит! Все-таки крокодил?!

Карпатов подскочил и бросился к окну. Синеглазка стояла на берегу и обреченно махала руками в сторону течения, уносившего ее голубой таз с бельем. Интересно, что теперь она станет надевать? Он с опасением поглядел на свое чучело, которым неизменно гордился. Нужно будет подсказать Аняте, чтобы поделилась с Синеглазкой своими панталонами, которые она сушит у себя во дворе. Карпатов рассмеялся, представив соседку в умопомрачительном прикиде. Гламурненько, ничего не скажешь.

Так, карабкается назад на бугор. Без таза ей гораздо легче подниматься. Отряхнулась, вытерла глаза и скрылась в доме. Отсидится часа два и пойдет за водой. И начинай все сначала. Карпатов спрятался за занавеску. Через забор что-

то говорит чучелу, скорее всего просит одолжить шляпу или жалуется на судьбу. А кто ее просил сюда приезжать? Ей здесь что, курорт?! Была обычная рязанская деревня, каких по России тьма-тьмущая, так нет, понаехали курортницы, не дают спокойно работать.

Карпатов вернулся за стол и настучал одно предложение. И это все, что он сделал за утро?! Если работа будет так продвигаться и дальше, то он убьет эту Синеглазку. Или переедет в спальню. Но оттуда открывается вид на другую соседку, ту он убьет раньше. Нет, он не женоненавистник. Он нормальный разведенный мужик со своими принципами и взглядами на жизнь. Но эти бабы! Они оккупировали его со всех сторон. Как паучихи, они целыми днями ткут свою любовную паутину, поджидая лишь одного его опрометчивого шага. Не дождутся!

Карпатов усмехнулся.

Глава 1

Только попадетс нормальный мужчина, как сразу окажется чучелом

Отправиться на отдых в глубинку Катерине присоветовала приятельница, уезжающая с мужем в круиз по Средиземному морю. Веронике достался по наследству от двоюродной бабушки дом в живописном заповедном месте, куда редко ступала нога дачника. Вероника поначалу обрадовалась тихому деревенскому уголку, она попыталась разнообразить старую обстановку, соорудить во дворе газон, познакомиться с соседями, но вскоре деревня ей надоела. Она с чистой совестью предложила пожить в доме своей коллеге по работе, зная, что та на круиз по Средиземноморью рассчитывать не может. У Катерины не было состоятельного мужа. У нее вообще его не было. Был ребенок тринадцати лет от роду от Александра, ее первой и единственной любви, который и знать не знал о существовании дочери Ульяны Александровны. Он бросил Катерину после месяца знакомства и близких отношений, воспользовавшись ее доверчивостью и влюбленностью. После него Катерина разуверилась в мужчинах и одна воспитывала дочь.

Вопрос об отдыхе встал ребром, когда Катерине по профсоюзной линии досталась путевка в оздоровительный лагерь на берегу Черного моря. Отправлять ли дочь в такую даль или нет, Катерина сомневалась недолго. Второго раза может и не быть, а море – оно всегда море.

– Пять раз в нем тонула, – восторгалась Вероника, – а все равно без него жить не могу! Как поеду, так тону. Красота-то какая! Отправляй, Катерина, дочь и не думай!

Катерина подумала и отправила. Оставшись одна, она затосковала. Обычно они с дочерью все лето сидели в душном городе, выбираясь в парки на прогулку. Таскаться по паркам одной было просто неприлично. Вот тогда-то Вероника и подсуетилась со своим деревенским домом.

– Такая экзотика! – восторгалась она. – Чистый воздух, сосновый бор и добрые селяне. Поживешь для себя, Павлова, прочувствуешь настоящую деревенскую жизнь. И дом мне посторожишь, я с тебя плату за проживание не возьму.

Это сладкое слово «халява»! Оно заставляет сердце биться чаще и совершать необдуманные поступки. Катерина совершила не поступок, после трех дней пребывания в деревне Бражкино она поняла, что отважилась на подвиг. Городская жительница понятия не имела, что такое умываться под рукомойником, иметь удобства во дворе и ходить по воду.

– Привыкнешь, понравится, – заявила Вероника, показывая Катерине дом. – Гляди, какие хоромы, и все – твои. На целый месяц и, заметь, совершенно безвозмездно.

Провожая уменьшающуюся в размерах красную иномарку подруги, Катерина затосковала. Она огляделась в поисках соседей и наткнулась на странного типа, стоявшего посреди огорода. Тип был одет в модный костюм светло-бежевого цвета и прикрывал лицо от солнца шляпой.

– Доброе утро, – поприветствовала его Катерина, щуря глаза и наводя резкость. Тип колыхнулся, но промолчал. Катерина подумала, что мужчины в округе жутко неразговорчивые, что ей, в принципе-то, и надо. Она не собирается с ними зубоскалить и напрашиваться в гости. В соседнем доме еще один тип выглянул из окна, поздоровался с ней и спрятался за занавеску. – Хорошая сегодня погода! – сказала Катерина типу в шляпе для того, чтобы не казаться невоспитанной. Тот снова колыхнулся, улыбнулся, как ей показалось, и промолчал. Из окна вновь выглянул Резидент, как про себя охарактеризовала мужчину Катерина, усмехнулся и снова исчез. Она вздохнула и села на крыльцо.

– Мерзопакостная погода, – раздалось рядом с ней с другой стороны. – Никаких сил не хватит поливать этот проклятый огород! Хоть бы дождик ливанул на наше поле. – На шатком заборе повисла дородная фигура хмурой смуглянки. – Тебя звать-то как?

– Катя, – пробормотала Катерина, разглядывая соседку. Та смерила ее тяжелым взглядом, прикидывая вес незнакомки в пудах, и сжалилась.

– Тебе поесть-то принести?!

– Спасибо, у меня есть диетический творожок, – промямлила Катерина, догадываясь, что их габариты слишком разнятся, что приводит соседку в замешательство, а то бы та обязательно первым делом представилась.

– Творожок?! – искренне удивилась соседка, – держи, маляхольная! – И она одним рывком перекинула через забор ведро с огурцами. – Не наешься, так хоть опухнешь, и то будет на тебя приятнее смотреть. Анютой меня зовут, между прочим, Шкарпеткиной.

– Очень приятно, – призналась Катерина, которая до сей поры никогда не видела полное ведро огурцов. Обычно она покупала их в магазинах по полкилограмма. Что делать с целым ведром, Катерина не знала, но она побоялась обидеть соседку отказом.

– Вечером картошки нарою, угощу, – подобрела Анюта. – Откормить тебя надо. У меня каждый гусь – и то побольше тебя будет. Они ж тебя гонять начнут, худющую такую! – Анюта пошутила, но Катерина поглядела сквозь ветхий забор и увидела трех огромных гусей. В зоопарке они назывались дикими птицами и сидели в клетках.

– Может, не надо? – спросила Катерина, со страхом глядя на гусей.

– Надо, Катя, надо, – заявила соседка. – А то так и станешь одна куковать. Мужики, они не тузики, на суповые наборы не бросаются. А мужики у нас есть. Вон тот, – она кивнула в сторону мансарды, – писатель. Сидит целыми днями, как

сыч, и пишет, пишет. Чего – никто не знает. Может, анонимки на бывшую жену в Организацию Объединенных Наций. Она к нему приезжала, такой скандал закатила! Мы всей деревней пришли смотреть, у нас же кино нет, а телевизоры показывают только этот – социальный пакет, две программы. Сериалы про убийц, ни одного про любовь! Представляешь?! А у писателя с бывшей женой такая страсть разыгралась, что наша девяностолетняя Матрена вспомнила своего первого и прослезилась.

– Как-то неудобно, – попыталась остановить Анюту Катерина, чтобы та не озвучивала подробности частной жизни соседа.

– Конечно, неудобно. Из-за забора плохо видно, – согласилась Анюта. – Зато интересно. Вот ждем следующей серии, что у них дальше будет. Только подозреваю, что ничего. Слишком он к ней равнодушен. Страсть больше у нее была, да и то, – Анюта вздохнула, – из-за денег. Обмельчали нынче бабы и душой, и телом.

– А с чего это вы, Анна, взяли, что я одна? – Катерина с достоинством поправила сбившуюся бейсболку. – У меня имеется этот, как его там, ну надо же, вылетел из головы, сейчас вспомню...

– И не вспоминай, – отмахнулась Анюта. – Видно, и вспомнить о нем нечего.

– Да, – обмякла Катерина, понимая, что от проницательной соседки ничего не скроешь. – Но я и без них прекрасно

живу. У меня дочь, квартира, любимая работа.

– Любимым должен быть человек, – подмигнула соседка. – Вот у меня Семен – любимый. Сволочь порядочная, но, видно, от того я его и люблю, кобеля беспробудного. Если он к тебе ночью в окно полезет, не бойся. Пьяный он ко всем лезет без разбора. Ты что испугалась? К тебе никогда мужики в окна не лазили?! Господи, ну, как же вы живете там, у себя в городе?!

– Хорошо живем, – горестно ответила Катерина.

В том, что ей повезло хотя бы с соседкой, она поняла сразу, как только Анюта скрылась на своей территории. У нее было много дел по хозяйству, так что болтать и выпытывать подробности личной жизни она долго не могла. Правда, Катерина призналась сама себе, что подробности личной жизни Резидента она бы еще послушала. Так, для расширения кругозора. Чтобы знать, с кем имеешь дело. Она кинула взгляд на мансардное окно, писатель склонился над столом и никаких дел с ней иметь не собирался. «И не надо», – пожалла плечами Катерина, отправляясь на прогулку по наследственному «огороду».

Участок был небольшой, но вполне удобный для того, чтобы между кустами разбить на нем газон. Сейчас трава выросла до неприличных для газона размеров, но и в таком виде она была вполне удобоваримой для местного рогатого скота. Скот пробрался на запущенную лужайку через дыру в заборе и спокойно жевал сочную траву. Он изредка мычал, мо-

тал рогатой головой и вертел облезлым хвостом. Катерина в ужасе остановилась и вспомнила рассказы о зимующих поллярниках. К ним приходил в гости белый медведь, который в конце концов их и сожрал. Обнадеживало то, что ее «медведь» не был белым и назывался коровой. Но, судя по аппетиту гостя, сожрать она могла что угодно. До этого момента Катерина видела корову только на картинках дочкиного букваря. Теперь судьба посылала ей животное в естественном виде. Кричать было глупо. Тип в шляпе маячил на соседнем огороде и уходить не собирался, писатель торчал в окне, а Аня кормила гусей.

– Кыш, – сказала Катерина корове, грозя пальцем. – Брысь! Фу!

Животное отвлеклось от поедания травы и грустно поглядело на Катерину.

– Му! – сказала корова, выражая свое полное презрение дачнице, и повернулась к Катерине задом.

Шлеп – и в траву полетело удобрение.

– Вот скотина! – вырвалось у Катерины.

– Это Матренина скотина, – крикнула Аня, – гони ее к бугру!

– Му! – грозно сказала корова и уперлась рогом.

– А она мне не мешает! – крикнула Катерина, которая не представляла, как она будет гнать корову. – Она стрижет мне газон. И удобряет.

– Да?! – подбоченилась Аня и поглядела на корову. –

Ну, ну.

Катерина попыталась изобразить улыбку и отступила к дому.

– Ме-е-е-е-е! – у крыльца ее подждал очередной гость.

– У, козел! – Катерина постаралась его напугать и незаметно проскочить в дом.

– Это Машка! – знакомила их Анюта. – Ты калитку забыла прикрыть, она и вошла! Гони ее к бугру!

Катерина подумала, если придет еще кто-нибудь с рогами и копытами, то к бугру побежит она сама. «Нельзя бояться, – твердила она себе, пробираясь мимо жуткого животного, – нельзя никак! Я не стану героиней деревенского ужастика. Матрена по мне не заплачет!»

Краем глаза Катерина заметила, как в мансардном окне возник силуэт, и только чудом не дала волю своему звонкому голосу. Машка покрутилась возле крыльца, съела декоративный подсолнух и направилась к выходу.

Катерина облегченно улыбнулась – первую схватку с девственным природным миром она выдержала.

Люди, привыкшие пользоваться водопроводом! Вам ни за что не понять тяготы и лишения, испытанные Катериной у колодца. Ничто не предвещало опасности, когда она с пустым ведром подошла к странному домику. Поставив ведро рядом, Катерина открыла дверцу и заглянула внутрь колодца. Там была пугающая тишина и огромная глубина, куда ей следовало опустить привязанное цепью ведро. Стараясь

больше не смотреть вниз, Катерина схватила ручку ворота и попыталась сдвинуть ее с места. Та не поддавалась. Катерине пришлось подпрыгнуть и налечь на ручку всей силой. Наконец ручка дернулась, роняя вниз цепь с ведром, и вырвалась из рук Катерины. Не устояв на месте, Катерина шагнула в свое пустое ведро и свалилась вместе с ним на мокрую землю. От обиды Катерина чуть не заплакала. Она поднялась, ругая себя, ведро и колодец, и огляделась: на единственной деревенской улице стояла полуденная тишина. Зной разогнал людей по домам. Это вселило надежду на то, что ее мало кто видел. Катерина метнула подслеповатый взгляд на мансардное окно, но никого не заметила. Тип в шляпе фанатично торчал посреди огорода и неотрывно смотрел на Катерину.

Она повторила попытку, благо колодезное ведро уже булькало в воде. Но достать его было гораздо тяжелее, чем уронить. «Эх, мало я каши ела!» – с горечью подумала Катерина и поняла, почему деревенские жители такие большие и сильные. Слабый в деревне не выживет! Она не слабая, она обязательно станет сильной. Катерина восстановила в памяти телевизионные турниры по поднятию тяжестей, набрала в грудь воздуха, надула щеки, протерла руки и схватилась за ручку... Ведро с водой поднялось на поверхность с третьей попытки.

– Анята! – крикнула Катерина, здраво рассудив, что придется есть для того, чтобы выжить в этом сумрачном мире. –

Неси свою картошку и все, что у тебя есть! Я тебе свой твоячок отдам.

– Сейчас, гусей выгоню! – пообещала соседка.

О том, что Анята собиралась гнать гусей через калитку, Катерина не подумала. По ее сложившимся представлениям, все домашние животные уходили со двора через бугор. Куда они девались дальше с бугра, Катерина не задумывалась. А зря. Анята свою живность берегла. И та, благодарно гогоча, шла за ней следом напрямиком к Катерине. У нее подогнулись ноги в области коленей, трясущаяся рука чуть не выронила ведро с драгоценной жидкостью, предназначенной для чая и водных процедур.

– Они не кусаются? – прошипела, теряя от страха голос, Катерина.

– Ш-ш-ш-ш, – прошипели ей в ответ гуси.

– Не бойся, – отмахнулась Анята, – они ж не собаки, чего им кусаться?

Гуси чинно прошли мимо Катерины, та вздохнула, но слишком рано. Одна из птиц все-таки изловчилась и ущипнула ее за ногу.

– Ай! – вскрикнула Катерина. – Больно!

– Вот стервец! – пригрозила гусю Анята. – Это он с тобой заигрывает, – улыбнулась она.

– А почему он тогда щиплется?! – возмутилась Катерина.

– Тебя что, мужики никогда не щипали?! – до глубины души поразила соседка.

– Никогда, – честно призналась москвичка.

– Да как же вы там в своем городе живете?! – всплеснула руками Анюта. – Никакого куража!

Катерину действительно никто никогда даже не пытался ущипнуть. Девчонки иногда жаловались, что новый начальник слишком много себе позволяет, прижимая их к стенке, но никогда не жаловались на то, что он их больно щиплет. Возможно, городские мужчины не умеют щипаться. Неужели в этом есть кураж? Катерина, задумавшись, потащила ведро с водой дальше.

Благодаря Веронике в доме был газ. В принципе, назвать содержимое маленького баллона полноценным голубым топливом было чересчур легкомысленно, но Катерина решила, что баллона хватит, если пользоваться газом экономно. Она налила в чайник холодной воды и поставила его на двухконфорочную плитку. Скоро придет Анюта, и можно будет угостить ее чаем. Катерина прикинула, чем еще она сможет угостить свою новую знакомую, и полезла в большую спортивную сумку с необходимыми вещами. Содержимое сумки мгновенно оказалось на старом скрипучем диване – единственном спальном месте в доме. Катерина принялась разбирать вещи. Одежды было слишком мало, вся она поместилась на спинке стула. Косметика с умывальными принадлежностями заняла место на столе, там же оказались любовные романы, без которых Катерина не представляла себе нормального полноценного отдыха. И лишь на самом дне сум-

ки наконец-то отыскалась коробка шоколадных конфет с наполнителем из карамели. Катерина взяла коробку и поспешила накрыть на кухне стол.

Творожок, конфеты, диетические сухарики – чего-то явно не хватало. Она вспомнила про огурцы и намыла целую тарелку. Если Анюта принесет картошку, то можно достать банку тушенки. В принципе, неплохой ужин или обед. Интересно, а есть ли в деревне ланч? Или все едят, когда хотят? Наверное, едят постоянно. Катерина проводила взглядом парочку, мелькнувшую в окне. Дородная девица и парень-крепыш шли обнявшись и щелкали семечки. Нет, Катерине не грозит анорексия – она помрет в этой деревне от обжорства.

Вздыхнув, Катерина отошла от стола и устроилась на крыльце с книгой в руках. Она не прочитала и страницы, как калитка скрипнула. Снова забыла ее закрыть! И теперь очередной козел упрется во дворе своими рогами. На этот раз Катерине повезло, вернее, это она подумала, что повезло и зашел не козел, то есть почти что не козел. К приезжей дачнице наведалься Тимофей Ермолаев. Низкорослый парень-крепыш, полчаса назад обнимавший дородную девицу, теперь сидел на крыльце перед Катериной.

– Привет, – он обнажил свои кривые желтые зубы, – ты кто? – и он уставился на нее немигающим взглядом.

– Екатерина Павловна Павлова, – недоуменно представилась Катерина и поймала себя на мысли, уж не собирается ли парень ее ущипнуть.

– Не понял, – переспросил Тимофей, – дачница или на постоянное место жительства?

– Дачница, – призналась Катерина.

– Понятно, – протянул парень, – а я Тимофей, можно просто Тимоша. Но это только для очень хороших знакомых. – И он изучающим взглядом окинул ее фигуру, словно проводил кастинг на вакантное место хорошего друга. – Ты к феминисткам как относишься? – поинтересовался Тимоша.

– Никак не отношусь и ничего с ними общего не имею, – пожала плечами Катерина, закрывая книгу. Этого гостя ей не удастся спустить с бугра.

– Как это «ничего»? – переспросил Тимоша. – Ты же баба? Баба. Но это хорошо, что ты к ним не относишься. Неси свой паспорт! – скомандовал он.

Катерина и в мыслях не держала, что участковые милиционеры могут ходить в драных майках на голое тело и ненавидеть феминисток. Она пошла и принесла документ, подтверждающий то, что она – баба. Хотя, глядя на фотографию в паспорте, в этом можно было засомневаться. Фотографы, когда им признаешься в том, что хотели бы использовать в дальнейшем их произведение искусства в паспорте, специально снимают так, чтобы потом было мучительно больно заглядывать в этот документ. Катерина переснималась три раза, но результат был один – из ее паспорта на людей глядело изможденное тяжелым недугом лицо беглого каторжника. А она в то время как раз сделала креативную стрижку и сног-

сшибательный макияж.

Но участкового ее фотография не заинтересовала, он сразу раскрыл документ посередине.

– Понятно, – процедил Тимофей, разглядывая пустую страницу. – Одинокая.

– Ничего подобного! – возмутилась Катерина. – У меня дочь есть, квартира и любимая работа.

– Квартира – это хорошо, – задумчиво проговорил Тимофей. – Ну ладно, – он протянул ей паспорт обратно, – живи пока что.

– Пока что? – испугалась Катерина, почувствовав что-то недоброе.

– Не понял, – протянул Тимофей, – чего не нравится?

– Все нравится, – поспешила закруглить разговор Катерина, – абсолютно все!

– Покладистая, – почесал затылок участковый и потопал к калитке, возле которой уже стояла Анюта. Она-то и внесла ясность в этот туманный разговор.

Как оказалось, местный участковый давно и безрезультатно искал невесту своему брату Захару. Деревенские девушки, не желая связываться с братьями, давно повыскакивали замуж за других парней, уехали на постоянное место проживания в город. И приходилось Тимоше подыскивать невесту брату среди заезжих дачниц, обольщая их разными методами. Сегодня он и к Катерине приходил как к возможной кандидатуре на это вакантное место.

– Захар неплохой, – поделилась выводами Анята, – да кто ж за него пойдет-то без любви? Ты смотри, девка, на уговоры не поддавайся. Не твой это мужик.

– Да я не собираюсь поддаваться! У меня дочь, квартира, работа...

– Любимая работа, – поправила ее Анята.

– Ну да, любимая работа, – оправдывалась Катерина. – Я хоть и не феминистка, но замуж не собираюсь!

Она принялась жалко лепетать, что кавалеров у нее в городе пруд пруди, что на первом месте должна быть карьера, потом дочь. Или дочь, а потом карьера. И вообще, она сторонница гражданского брака, без пачканья чудесного документа – паспорта, в котором у нее такая изумительная фотография. Катерина всегда была и останется волевой, целеустремленной, современной и независимой. Она замолчала, подыскивая эпитеты, и этой паузой воспользовалась соседка.

– Завидую, – призналась она, – а я, как последняя дура, люблю своего Семена, на котором свет клином сошелся! Может, мне показать ему, какая я устремленная, и дать в глаз?!

– Зачем в глаз? – опешила Катерина.

– Правильно, – согласилась Анята, – лучше молотком по темечку!

– Ни в коем случае! – испугалась Катерина. – Только не молотком.

– Думаешь, действеннее сразу под дых? Чтобы любил крепче и по чужим бабам не шарahalся!

Катерина округлила и без того огромные глаза и повела соседку в дом.

Теперь она точно знала, что Ермолаев пришел не просто так. Она смотрела на него в окно, и он ее тоже увидел. У нее что, печать безбрачия на лбу?! Или жители этой деревни все такие пронизательные?! Или в ней все-таки что-то не так? Конечно, не так! Она скучает по Ульяне, ребенок для матери – это тебе не «с глаз долой – из сердца вон». Как она там?! Мобильных телефонов нет ни у той, ни у другой, даже поговорить с дочкой нельзя. Зато с Анютой можно.

Анюта и говорила. Катерина в это время ела самую вкусную картошку в своей жизни. Со свежими огурцами, от которых пахло зеленью и летом. Это не затхлые огурчики из магазина, потерявшие все ароматы в процессе длительной перевозки. Эти – что-то необыкновенное. А картошка, оказывается, может быть такой рассыпчатой и нежной... Жаль, Ульяна сидит в своем оздоровительном лагере на государственных харчах.

– Баба должна иметь свою личную жизнь, – втолковывала ей соседка. – Чтобы ни дети, ни работа ей не мешали наслаждаться счастьем. Одна-то чем насладишься?! Ты обрати внимание на писателя.

– А почему я должна на него внимание обращать? – пробубнила Катерина с полным ртом.

– Потому что ты ему понравилась, – доверчиво рассказывала Анюта. – Он, как только ты поселилась, все глаза в сво-

ем окне проглядел. Я-то неслепая, вижу.

– А я слепая, – призналась Катерина, – минус два. Очки не ношу из принципа, – здесь она соврала. – До сих пор не знаю, поздоровался со мной тот тип в шляпе или просто головой мотнул.

– Какой тип?! – Анюта отодвинула в сторону пустую упаковку от диетического творожка. – Гадость необыкновенная. – Она вытерла пальцами губы. – Как вы там, в своем городе, этим питаетесь?

– Тот, – Катерина глазами указала на соседний огород, где мотылялся мужик в светлом костюме. – Может, я тоже ему понравилась? Он весь день торчит на солнцепеке и не уходит.

– Ему? – Анюта привстала и выпучила глаза. – Слепухаты, слепуха!

– А я и не скрываю, – обиделась Катерина, но уминать картошку не перестала.

– Этому типу понравиться довольно сложно, – заявила Анюта.

– Вот и я о том же, – вздохнула Катерина, – мне нравятся такие: молчаливые и обходительные.

– Хорошо, что хоть какие-то нравятся, – обрадовалась соседка. С приездом дачницы у нее появилась идея фикс – выдать ее замуж. Нельзя лишать человека счастья. Что это она одна живет и радуется, когда другие бабы любят и мучаются?! – Ему понравиться невозможно, – объяснила Анюта, –

он же чучело.

– Чучело?! – изумилась Катерина. Вот так всегда, только ей попадется нормальный мужчина, как сразу окажется чучелом. – Не может быть. – Она прищурила глаза и уставилась в окно. – А такой импозантный, вдумчивый, в нем сразу чувствуется родственная душа...

– Импозантный у нас писатель, – засмеялась Анюта, открывая коробку с конфетами, – есть и гламурная особа. Ты с Любкой еще не познакомилась? – Катерина мотнула головой. – Это она у нас писателя огламурирует, прохода ему не дает. Поставила себе во дворе шест, танцует на нем стриптиз по понедельникам. Спросишь, почему по понедельникам? А! У нее бизнес-план по огламурированию расписан на всю неделю. По вторникам она голышом бегаёт под его окнами. По средам у Любки водные процедуры: до обеда она в бикини щеголяет, после – в тайге, нет, в танге с поясом, который называется юбкой. По четвергам... Забыла, что по четвергам, сама увидишь. А ты сидишь и рассусоливаешь: родственность души да родственность души. Чучело он, одним словом!

Не может быть! Катерина проводила соседку и направилась к забору. На соседнем участке того самого импозантного писателя продолжал стоять тип в шляпе. Она приблизилась к забору и тихо прошептала типу:

– Извините, пожалуйста, и не обижайтесь, если я спрошу, не чучело ли вы?

Она прикрыла рукой рот и замерла. Тип, как ей показалось, горько усмехнулся и покачал головой. Катерина вздохнула и направилась к крыльцу. Он не может быть простым чучелом, в нем гораздо больше человечности, чем в этом писателе, который снизошел до нее одним кивком. «Если он чучело, – решила Катерина, – то необыкновенное! И я стану с ним общаться. По крайней мере, теперь есть кому доверить свои секреты. Он уж точно не разболтает».

Калитка скрипнула, Катерина вздрогнула и обернулась. Никого не было: ни людей, ни животных. «Очень хорошо, – подумала Катерина, – наконец-то я смогу спокойно дочитать роман». Она подошла к калитке и заперла ее на засов, после чего залезла под крыльцо и достала метровую сучковатую палку. Если запертая калитка предназначалась для непрошенных гостей, то сучковая палка была приготовлена для незнакомца Семена. Пусть только попытается залезть к ней ночью в окно! Когда-то она ходила на занятия по самообороне. Катерина призналась себе, что запомнила только одно: когда враг наступает, нужно со всей силы ткнуть ему в ногу шпилькой. Она напрягла память, но ничего, связанного с врагом, залезающим в окно, не вспомнила. Если что, придется действовать по обстоятельствам, приводя в свою защиту доводы и аргументы. А они у нее, Катерина потрясла палкой, очень убедительные.

Глава 2

Прости, господи, за невольный каламбур

Меткая пословица наших дней «Скажи, где ты отдыхаешь, и я скажу, кто ты» вполне соответствует действительности. Вряд ли пенсионерку Валентину Павловну, которая перебивается на «щедрое» государственное пособие с хлеба на воду, можно встретить в Куршевеле. Впрочем, встретить-то можно, ведь бывают же исключения из правил. Если пенсионерка Валентина Павловна отправится в Европу авто-стопом и доберется до этого рассадника миллионеров, то на большее она рассчитывать никак не сможет. Только слоняться по Куршевелю и взывать к олигархической совести своим потрепанным и голодным видом. Нельзя там встретить и ни одного российского педагога, сеющего разумное, доброе, вечное в обычных городских и сельских учебных заведениях. Самые удачливые из них, а чаще это те, кто каким-то образом умудрился попасть в частную гимназию в качестве обучающего персонала, отдыхают на берегах гостеприимной Турции. Или позволяют себе трехдневную поездку в Париж, после которого трепетно вздыхают и готовятся «умереть».

Екатерина не была ни пенсионеркой, ни педагогом частной гимназии, от того и проводила свой отпуск в богом за-

бытой деревеньке. Глядя на то, где и как она отдыхает, можно было с уверенностью сказать, что служит молодая женщина скромным работником музея и, в отличие от своей приятельницы Вероники, богатого мужа не имеет. Она вообще не имеет мужа, для нее он исключен как вымирающий вид. И не потому, что ей пришлось проводить свой отпуск в деревне, где мужчин вполне хватало для того, чтобы исправить ее семейное положение. Просто Екатерина верила в любовь. В большое и сильное чувство, способное захватить ее всю без остатка и с головой окунуть в неведомую страсть, которую она видела только в бразильских сериалах. Свой же сериал на глазах деревенских жителей она демонстрировать не стала и предпочла уделять внимание единственному мужчине, способному молча ей сопереживать.

– Представляешь, – жаловалась она чучелу, разводя руками, – течением унесло мой таз с бельем. Черт меня дернул взяться за постирушку! Чистюля разэтакая. Теперь у меня всего один топ и одни джинсы. Но это ведь не скажется на отношении ко мне окружающих? Как говорится, по одежке встречают, а я вроде бы здесь три дня живу. – Соломенная шляпа набросила тень на хмурое лицо чучела, и Катерине показалось, что ее собеседник тяжело вздохнул.

– Да, – согласилась она с ним, – в одном топе и одних джинсах будет нелегко налаживать контакты с местным населением. Может, ты одолжишь мне шляпу? Все-таки лишний предмет гардероба. Ой, извини, я как-то не подумала,

что без шляпы тебе будет нелегко стоять на солнцепеке. – Она улыбнулась чучелу и прошла к своему дому.

– Р-гав! Р-гав! – внезапно раздалось у ее ног. Катерина от неожиданности подпрыгнула. – Р-гав!

Мелкая собачонка породы «Не наступите на меня случайно!» бойко атаковала, хоть и временную, но все же хозяйку дома.

– Пэрис! Милочка, ко мне! – следом за собачкой во двор заплыла стройная высокая дама с такой великолепной фигурой, что Катерина остолбенела. Она не думала, что в этой деревне кроме привередливого писателя может проживать супермодель! – Фу, Пэрис, фу! Это тетя, Пэрис, фу!

Катерине стало немного обидно, что она – «фу», но, с другой стороны, дама была права. В сравнении с ней она была просто «фу».

Собачка послушалась, отбежала от Катерины и ловко прыгнула даме на руки.

– Добрый день, дорогуша, – проворковала дама, – сори за мою крошку, она всегда так встречает незнакомых людей. Но я надеюсь, – дама с собачкой приблизилась к Катерине, – сейчас мы уладим это недоразумение.

– Какое? – тупо переспросила Катерина. – Собачка меня не тронула.

– Сейчас мы с вами познакомимся, – заявила дама и принялась разглядывать Катерину, как будто та являла собой картину кающейся Магдалины. – Любовь, – сказала она и

пристально поглядела на Катю.

– Да нет, я просто здесь отдыхаю, – засмузилась та. – И об этом совсем не думаю...

– Иногда нужно думать, – сказала дама, усмехнувшись. – Любовь – это я.

– Надо же! – изумилась Катерина, поздно догадавшись, что перед ней и есть та самая Любка, которая танцует стриптиз по понедельникам. – А так и не скажешь. – Она не смогла представить эту гламурную даму на банальном шесте. – Катерина. Это я Катерина.

– Я это сразу поняла, – сказала дама строгим голосом начальника паспортного стола.

– Какая милая псинка, – Катерина выдавила из себя улыбку и поняла, что нажила себе врага.

– Это не псинка, – обиделась Любовь, – это породистая девочка с такой родословной, что рядом с нею все – плебеи! Пэрис, милочка, нас называли псинкой!

Катерина смотрела вслед удаляющейся даме, сюсюкающей со своей собачкой, и думала о том, насколько люди привязаны к своим домашним питомцам. Слишком привязаны, до такой степени, что все окружающие для них – плебеи. Нет, она ни за что не заведет себе собаку. Другое дело – гусей. Вряд ли Анюта следит за их родословной. Анюта не следила, она бежала к Катерине за помощью.

– Спасай Семена! – горячо зашептала она, хватая соседку за руку.

Катерина могла подумать что угодно, но ни за что на свете не догадалась бы, от чего его нужно было спасать. Как оказалось, поздним вечером, когда муж спал, Анята наварила кастрюлю варенья. Когда оно чуть подстыло, разлила его по банкам и закатала крышками. А кастрюлю оставила невымытой. Утром, пока спала Анята, ее муж решил кастрюлю изпод варенья вылизать. И увлекся...

– Просыпаюсь, – рассказывала Анята соседке, – кто-то кричит: «Пожар!» И голос такой алюминиевый, сладкий. Глаза открываю, стоит передо мной терминатор хренов, морда лица в кастрюле! Я ему говорю: «Поиграл и хватит», а он мне отвечает: «Не могу, голова застряла». Нет, Катерина, ты представляешь?! Нормальные люди пальцем, – Анята показала «кастрюле», нарисовавшейся рядом с ней, указательный палец, – варенье облизывают! А этот все рыло запихнул!

Анята всплеснула руками и села на лавку перед избой.

– Это его бог наказал! – важно заявила она. – Помнишь, как ты на нашу свадьбу напился до поросычьего визга и меня со всеми бабами путал?! – Она вскочила, подбежала к Семену, который пытался стянуть кастрюлю с ушей, и хлопнула его по тому месту, где, по ее расчетам, должен был находиться лоб.

– Ты б еще военный коммунизм вспомнила и электрификацию всей страны, подлая баба! Специально вместо таза варенье в узкой неровной кастрюле сварила.

– Кто же знал, что ты дно мозгами лизать станешь? – ки-

пятилась Анюта. – Нормальные люди их по-другому используют. Что делать-то, Катерина?! Жалко же его, подлеца, любовь все-таки.

– Металл от больших температур расширяется, – робко вставила та.

– Правильно! – обрадовалась Анюта. – Сейчас мы кастрюлю в печку вставим! Металл от больших температур расширится, и кастрюля делается просторнее!

– Глупость твоя от этого делается просторнее, – промычал Семен, – в той кастрюле моя голова находится! А из запасных частей у меня только вставная челюсть.

– А от низких температур, – попыталась реабилитироваться Катерина, – все сужается...

– Правильно! – обрадовалась Анюта. – Мы его сейчас в колодец окунем! Голова сузится и из кастрюли выскочит.

– Сама опосля выскочишь в тот колодец, – простонал Семен. – Физики хреновы! Применяйте народные методы!

– Может, – по душевной доброте, глядя на то, как погибает чья-то любовь, предложила Катерина, – ему клизмой сбавить вес и освободить от лишних килограммов?

– То, от чего я освобожусь после вашей клизмы, с головой никак не связано...

– Привередливый, – гордо заметила Анюта, – разборчивый. Что ни скажи, все наперекосяк! Помнишь, Сема, когда я третью девку родила, ты по деревне бегал и кричал, что отказываешься забирать меня обратно?! – Анюта подскочила

к мужу и со всей силы треснула его по кастрюле.

– Чего сердце занозишь? – возмутился тот. – Это не я, а самогонка кричала. И от радости! Не уводи в сторону мыслительный процесс, освобождай посуду, поросенок голодный сидит!

– Я в этой кастрюле поросенку картошку варила, – пояснила Анюта, – а вчера, как черт дернул, сварила варенье. – Она уселась на лавку и задумалась. – Нужно перевернуть его вверх ногами и отрясти кастрюлю с головы.

– Так все мои мозги выскочат, – сопротивлялся Семен.

– Нечему там выскакивать, – отмахнулась Анюта. – Беги, Катерина, к писателю! Нам двоим его ни за что не перевернуть!

Раздумывать было некогда, воздух проникал в кастрюлю слишком мелкими порциями, не давая Семену Шкарпеткину свободно дышать. Катерина побежала.

Резидента в окне не было, во дворе тоже. Или он спал, или занимался чем-то еще, и она ему явно помешает этим заниматься. Катерина подошла к писательской калитке и слабо пискнула. Мешать ему ей почему-то совершенно не хотелось. Но, как ни странно, буквально сразу голова Резидента высунулась в окно, и он изумленно уставился на соседку.

– Извините, – начала Катерина растерянно, – но там кастрюля застряла... Я бы попросила...

Карпатов смерил презрительным взглядом Синеглазку. Ему стало понятно, что у этой неумехи на керогазе застряла

кастрюля, от чего она осталась голодной и на почве голода и обезвоживания организма помутилась рассудком.

– С вареньем, – зачем-то добавила Катерина, – смородиновым.

Так Синеглазка еще и сладена! Откуда она взяла смородину?! На ее участке эта ягода не произрастает. «Ясно, – тоскливо подумал Карпатов, – с голодухи бедняга начала чистить чужие огороды. И теперь пытается втянуть в это преступное дело и меня». Катерина принялась сумбурно описывать недавние события, упомянув Анюту и Семена. Карпатов подумал, что они чистят огороды втроем и безмерно страдают.

– Ему так плохо! Так плохо! – расписывала Катерина страдания Семена. – Он готов умереть! Сделайте же что-нибудь! – не выдержала она. – Что вы сидите, как красна девица в своем тереме?! – Подумав о том, что Семен может задохнуться, а Анюта погибнуть из-за потери любимого мужа, она разозлилась. – Спускайтесь! Нам нужно перевернуть его с ног на голову!

Карпатов покраснел от возмущения, которое он не стал выражать вслух. Он не будет опускаться до банальной деревенской ругани с этой умалишенной особой! Но идти у нее на поводу?! Только ради интереса, так сказать, накапливая материал для будущей книги. Синеглазка прекрасно впишется в его «Отношение полов» в образе скандальной и недалекой представительницы слабого пола.

Карпатов задернул занавеску, показав тем самым, что разговор окончен. Катерина потопталась немного у калитки и побежала обратно. Только она хотела сказать Анюте, что писатель, этот эгоист и черствый тип, отказался прийти на выручку Семену, как услышала за спиной шаги. Она обернулась и увидела бежавшего за ней писателя.

– Ну, – сказал он, грозно хмуря брови, – что у вас еще случилось?!

– Вот! – Анюта выдвинула вперед Семена с кастрюлей. – Полюбуйтесь на него! Застрял мозгами.

– Его нужно перевернуть, – Катерина принялась тормошить рукав писательской рубашки, – и оттрясти кастрюлю с головы.

– Глупости, – заявил Карпатов и скинул с себя руку Катерины. – Это поможет вытрясти из него заначки, а не кастрюлю. – Он подошел к Семену ближе и попытался снять супершлем. – Придется резать! – безапелляционным тоном многоопытного хирурга произнес писатель. – Автогеном!

– Каким Геной? – с дрожью в голосе, предчувствуя страшную развязку, проблеял Семен.

– Авто-ге-ном, – по слогам повторил Карпатов. – И будут жертвы!

– Я даже знаю, кто, – ехидно заметила Анюта.

– Ни за что! – испугался Семен и... сдернул со своей головы ненавистную кастрюлю. – Ох! Ах!

– Ой, – вздрогнула Анюта, – Семушка, как я рада, что на-

конец-то ты освободился. Спасибо огромное товарищу писателю за поддержку, спасибо Катерине за советы...

– Убью подлюку бабу! – заявил Семен и набычил и без того красные от нехватки воздуха глаза.

– Правильно, – согласилась с ним Анюта, семеня к ближайшему дереву, – убей Катерину. Мне она никогда не нравилась. Жалко, конечно, но что поделаешь, нужно же чем-то жертвовать...

– Не ее, а тебя убью! – заявил Семен и попер на жену: – Жертвенница!

Катерина опешила от всех этих заявлений и опустилась на лавку, рядом с ней сел Карпатов и закурил.

– Милые бранятся, только тешатся, – сказал он, успокаивая ее.

Тешились супруги Шкарпеткины довольно странным образом. Анюта бегала вокруг дерева, за ней гонялся злой, как сто чертей, Семен.

– Ой! – кричала Анюта. – Люди добрые! Нализался, пьяный таракан, все мозги по голове растеклись. Или ничего не чувствуешь?! Или действительно их у тебя нет?!

Семен остановился и потрогал свою голову. Она стала бурая и липкая.

– Помираю, – прохрипел он, прислоняясь к дереву, – Анька, вызывай медицину в помощь!

– Чтоб помогли тебе помереть? Это они могут, их только для этого и вызывают! Ща! – захихикала она. – Поверил!

Течь-то нечему! Разве ж у тебя мозги? Шучу я, а то еще с испуга дашь дуба у дуба, прости, господи, за невольный каламбур.

– Каламбурит она все, – недовольно прохрипел немного успокоившийся Семен и лизнул руку. – Действительно не мозги! Откуда ж им вытечь-то? Варенье!

– М-да, – процедил писатель, пуская дым колечками. – Отношения полов.

– Да, – вздохнула Катерина, – любовь.

– Любовь?! – насмешливо поинтересовался у нее Карпатов. – Где это вы ее видели?!

– То, что у вас ее никогда не было, – с пафосом заявила Катерина, – это еще ничего не значит. Нет, – она перебила саму себя, – это значит. Это значит, что вы обделенный судьбой человек! Что вам не повезло в жизни, что вы не способны на большое и светлое чувство! А вот Анна с Семеном, – те замерли и изумленно прислушивались к ее выводам, – они способны. Они любят друг друга!

– Правда? – Анюта вытерла рукавом набежавшую слезу и повернулась к мужу. – Ты меня того?!

– Того этого, – подобрел Семен, обнял жену и повел в дом, пиная ногой ненавистную кастрюлю.

– Ха! – заинтересованно сказал Карпатов. – А вы способны?! Вы способны любить? – И в его глазах появилось странное возбуждение. Он поднялся и пошел к выходу.

– Не знаю, – честно призналась Катерина, – но я, по край-

ней мере, в любовь верю.

Она встала и направилась к себе в дом. Пусть этот высокомерный тип думает о ней, что хочет. Ей все равно. Конечно, не будь он таким высокомерным, он бы ей обязательно понравился. Еще бы она в него влюбилась, не дай бог! Это можно пожелать только врагу или Любке-стриптизерше. Любви пожелать любви. Еще один каламбур. У нее вся жизнь из одних каламбуров.

Вот она, идет с собачкой. Как раз вовремя.

– Георгий! – вскричала Любовь Аркадьевна Карелина, увидев писателя. – Что у вас случилось?! Мы с моей девочкой, как только услышали шум и гам, сразу же побежали к вам на выручку.

– Огромное спасибо за заботу! – заявил Карпатов и кинулся к Карелиной. – Только вы со своим чутким сердцем не оставите нуждающегося человека в беде.

– Да, я такая, – довольно заявила Любовь и прижала собачку к своей пышной груди.

– Ступайте! – сказал ей Карпатов. – Ступайте к этому человеку!

– Я уже иду к нему! – обрадовалась Любовь и поперла на писателя.

«Идиотка, – подумала, глядя на них, Катерина. – Совершенно не понимает, что он над ней издевается! Или не издевается?! Во всяком случае, Резидент не делает никаких попыток сбежать! Да уж, прекрасная парочка: гусь и гагарочка.

А он еще не верит в любовь! Да что для него любовь – так, пустой звук, гласные с согласными. Он, как и все мужики, падки на хорошенькое личико и ладную фигурку». Катерина усмехнулась и остановилась, намереваясь обойти писателя с Карелиной, – они заняли всю дорожку, но она не собиралась идти по песку. Внезапно, когда до него оставалась пара шагов, Карпатов резво отскочил в сторону, и Карелина со всего маху налетела на Катерину.

– Р-гав! – подала недовольный голос собачонка.

– Вот тебе и р-гав, – засмеялась неожиданному пируэту Карпатова Катерина.

– А вы, Екатерина, что-то имеете против?! – покраснела от возмущения Карелина.

– Я?! – удивилась Катерина. – Ничего. – И, не поворачиваясь, направилась дальше.

– Любочка, – ехидничал писатель, – вы ошиблись. Не меня нужно спасать. Нужно помочь Семену смыть с физиономии смородину!

– У него для этого есть законная супруга! – услышала за спиной Катерина.

– А вы что, помогаете только одиноким?! – не унимался Карпатов.

– Некоторым одиноким очень бы даже помогла!

Катерина оставила парочку и зашла во двор. Закрыв калитку, она прислушалась. Писатель с Любочкой о чем-то спорили. Карелина говорила на повышенных тонах, Карпа-

тов – насмешливо и с издевкой. «Он надо всеми издевается, – догадалась Катерина, – это у него такая манера. Мнит себя знаменитым, а я даже не читала ни одного его произведения. Такие циники смогут накарябать только философские опусы. Нечто такое в духе «А есть ли жизнь за МКАДом?»». Ради этого они приезжают в далекую деревеньку, чтобы доказать, что в ней нет никакой жизни, а уж тем более и любви. Хотя что он может знать о любви?»

Эх, был бы он бессловесным чучелом, она бы ему многое рассказала.

И к чему она пришла? К Вероникиному дому, если не считать своих глупых мыслей о бессловесном чучеле. Неужели ее устроит только такой мужчина?! Интересно, а какой женщиной был бы доволен Карпатов? Тоже чучелом?

– Нет, Георгий, вы меня не так поняли, не такая я стерва, – кокетливо обиделась на писателя Карелина, проходя с ним мимо калитки, за которой пряталась Катерина.

– Р-гав! Р-гав! – подлая собачонка, не возлюбившая ее с первого же взгляда, попыталась наябедничать хозяйке о том, что их подслушивают. Но та, к счастью, не обратила на ее ргавканье никакого внимания. Она была увлечена разговором с писателем, а скорее всего им самим.

Карпатов принялся разубеждать Карелину в том, что она совсем не стерва, куда ей до стервы, стервы, они такие... Катерина видела в щелочку забора, как он при этом закатил глаза и мечтательно поглядел вдаль. Скорее всего вспомнил

свою бывшую жену. Катерина хмыкнула, вот они, современные писатели, трубачи новых идей и кузнецы настроений, таскаются с разными стервами, а на хороших, обыкновенных женщин и не смотрят. Да что там смотрят, он с ней даже по-человечески не познакомился!

Конечно, и Катерина хороша, прибежала с бухты-баракты, потащила его к Шкарпеткиным. Но он мог бы остановить ее где-нибудь посреди пути, все равно ведь бежал следом, взять ее руку, поцеловать, представиться, сделать ей комплимент. Она сегодня необыкновенно хорошо выглядит! А Катерина улыбнулась бы и сказала ему: «Только сегодня хорошо? А в другие дни на меня что, смотреть невозможно?» Конечно, она прекрасно осознает разницу между собой и дамой с собачкой. Катерина вздохнула и поглядела им вслед, парочка продолжала препираться. «Милые бранятся, только тешатся», – вспомнила Катерина. Она ревнует?! Только этого ей не хватало на отдыхе! Влюбиться безответно и тосковать по возлюбленному, глядя на луну и сидя на грядке с морковкой. Да он недостоин ее любви! Он не знает, что это такое. И ей не нужно знать. Зачем он ей? У Катерины и так все в порядке: любимая работа, квартира, дочь. Начать бы следовало с дочери. Да... как бы ей позвонить?!

«Скажи, где ты отдыхаешь...» Великая Марлен Дитрих говорила другое: «Неважно, где ты отдыхаешь, важно – с кем!» В этих словах скрыт смысл жизни. И не только отпускной. Важно, с кем! Очень важно – с кем. Этот кто-то может

испортить самый замечательный отдых, а может сделать его незабываемым, лучшим моментом бытия и сознания. Катерина отдыхала с Анютой, за то небольшое время, что она провела в деревне, соседка не оставляла ее в покое ни на час.

– Ну и что там у них? – ее грузное тело перевесилось через забор. – Договорились небось ироды?

Катерина, испугавшись, что ее застали врасплох, когда она подслушивала чужой разговор, отпрыгнула от забора.

– Что? Чего? Я не поняла, – она добралась до крыльца и села на лавочку.

– Чего уж там, – махнула рукой Анюта, – дослушала бы лучше до конца!

– Они меня совершенно не интересуют, – Катерина не соврала, просто ей в это очень хотелось верить. – Как себя чувствует Семен? Голова у него не болит?

– Болит, – сочувственно покачала Анюта двойным подбородком. – Жуть как болит. Я ему самогонки дала, он спать и улегся. У нас же здесь аптеки нет, лечимся и травимся народными методами.

– Вместо снотворного можно использовать самогонку? – заинтересованно спросила Катерина.

– Тебе нельзя, – заявила Анюта, – ты слишком хлипкая. Правда, если закуска будет хорошая... Приходи ко мне ужинать! А то я одна осталась. Семен проснется лишь утром. А у меня картошечка с грибочками, огурчики, прямо с грядки сорванные...

– Приду, – пообещала Катерина. – Только воды принесу. У меня это мероприятие занимает слишком много времени. Только ты гусей не выгоняй!

– Да они уже вовсю у колодца гуляют! Или ты их боишься?!

– Еще чего! – в сердцах воскликнула Катерина и схватила пустое ведро.

Она увидела пернатую троицу издали, гуси пили воду в луже у колодца. Помешать им было просто неприлично, потому Катерина в кустах спокойно дождалась, пока те напьются и отойдут в сторону. Ей сразу же вспомнились слова Маугли: «Мы с тобой одной крови!», и она принялась повторять их вслух, медленно, но верно двигаясь к колодцу. Со стороны можно было подумать, что у нее случился внезапный паралич конечностей.

Катерина огляделась – на деревенской улице никого не было, значит, и смотреть было некому. Но она несколько ошибалась. Занавеска на мансардном окне в доме писателя чуть сдвинулась, и показалась его довольная ухмыляющаяся физиономия. Карпатов наблюдал за ее страданиями. Но Катерина его не видела и тихо двигалась к колодцу.

Гуси, по всей вероятности, к ней уже привыкли, внимания не обращали и продолжали переваливаться вперед. Катерина после слов Маугли, которым она отдала должное – они так подействовали на гусей, перешла на другие заклинания. «Ступенька, – твердила она себе, – пустое ведро». И

старательно запоминала весь алгоритм процесса забора питьевой воды. Алгоритм сработал! Она не упала, со второго раза ведро все-таки свалилось, и набрала воды. Довольная собой и жизнью, которая показалась ей намного легче, чем утром, Катерина направилась домой, расплескивая драгоценную жидкость. Она справится! Она здесь справится со всем и хорошенько отдохнет. Права Марлен, ох, как права, главное – с кем!

– Проходи! – широким жестом пригласила ее к накрытому столу Анята.

Катерина, несколько дней не видевшая такого изобилия, сглотнула слюну.

– Мне нельзя, я же на диете, – простонала она, тоскливо глядя на стол.

– Ага! – сказала соседка. – Я тоже. Садись, не порть мне аппетит своим худосочным видом. – И она торжественно водрузила на стол литровую бутылку с мутной жидкостью.

– Это она? – таинственно поинтересовалась Катерина. – Та самая, которая вместо снотворного?

– Кто бы сомневался, – подмигнула Анята, – Семена теперь не добудишься. Давай свой стакан.

Пить алкогольные напитки стаканами Катерина не умела. Учиться было поздно. Она смаковала глотки обжигающей жидкости и пучила от ужаса глаза. Анята подсмеивалась над Катериной и подкладывала грибов, обещая на следующий же день взять ее с собой в лес за лисичками.

Голова закружилась не сразу, только поэтому Катерина благополучно добралась до дома, вспоминая, что Анюта сказала ей напоследок:

– Жаль, что бутылка закончилась быстро. Мы по-бабьи поговорить и не успели.

– Ничего, – ответила Катерина, смутно осознавая, сколько они выпили, – завтра и поговорим.

Она дошла до своей калитки и попыталась ее открыть в другую сторону. Калитка заартачилась, Катерина на нее поругалась, чем и привлекла внимание Карпатов. Он высунулся из своего окна и опешил. В дупель пьяная Синеглазка стояла у своей калитки и жаловалась забору на свою одинокую, никчемную жизнь. В конце концов ей удалось открыть калитку, и она упала во двор. Пытаясь подняться по забору, Синеглазка улыбалась и сообщала тому, что сразу же уснет, если доберется до кровати. Добралась ли она до кровати или уснула в снях, Карпатов так и не увидел. Зато он увидел, как Синеглазка, проползая мимо его огорода, привстала и послала чучелу воздушный поцелуй.

Глава 3

Она и грибы жарит, и крестиком вышивает, и носки на зиму вяжет...

Катерина находилась в аду, где молотками били по ее голове. Мохнатый черт с омерзительной рожой тряс над ней пустой бутылкой из-под бражки и призывал к ответу:

– Ты же обещала! Ты же мне вчера обещала! Ты же говорила, что пойдешь со мной!

– Уйди, нечисть! – отмахивалась от черта Катерина. – Никуда я с антихристом не пойду!

– Пойдешь, как миленькая, – говорил черт голосом Шкарпеткиной, – на воздухе хоть проветришься!

– Сгинь, зараза! – сопротивлялась из последних сил Катерина, отбрыкиваясь от черта ногами.

– Я те сгину! – ругалась Шкарпеткина. – Я те так сгину! Сейчас колодезной водой оболью!

– Ха! – засмеялась Катерина. – Ты сначала ее набери! – И открыла глаза.

Над ней огромной белой тучей нависла Анюта.

– Очнулась, голубушка? – пропела она. – А то я испугалась, что ты копыта откинула!

– Это он должен был откинуть копыта. – Катерина растерянно оглядела комнату. – Где же черт?!

– А, Семен-то? А мы без него пойдем. Он с мужиками сегодня охотится, они кабана загнали. Только, я думаю, никакого толка от этого не будет. Кабан не дурак, он самогонку за версту чует.

– А куда мы пойдем? – сморщила лоб Катерина, вспоминая вчерашний вечер. – В лес?!

Анюта расплылась в довольной улыбке.

На сборы, по мнению Анюты, ушло слишком много времени. Ей пришлось бежать назад домой и искать белый платок для Катерины, у той, кроме бейсболки, не оказалось никакого головного убора. А комары не дремлют, налетают тучами. Взяла она для городской неудачницы и белый халат, опять же, чтоб сбить с толка вредных насекомых – они дружно летят на черное. Длинная юбка и резиновые сапоги дополнили образ грибника. У Катерины остались видны лишь одни глаза. Когда она оделась и предстала перед зеркалом, то испугалась самой себя. Встреть она такую особу в темном лесу, точно бы испугалась. Но лес не был темным, поднималось солнышко и освещало каждое деревце.

– Здорово! – призналась Катерина и поправила на руке корзинку. – Я рассвет первый и последний раз встречала только в школе, да и то, когда ее заканчивала. А птицы-то как поют! Откуда здесь их столько?!

– Все божьи твари. – Анюту с похмелья тянуло философ-

ствовать. – Только ты себе под ноги гляди, – посоветовала она Катерине, – чтоб, значит, на какую тварь не наступить.

Катерина поглядела себе под ноги и обнаружила землянику. Лес продолжал преподносить сюрпризы. Анята ворчала, но шла следом за Катериной, которая прыгала и радовалась каждой былинке. Ей не хотелось пугать дачницу своими советами, но на всякий случай она подсказала, что если вдруг та увидит свинку, заросшую как мамонт, то пусть лезет на дерево и зовет охотников. Анята усадила Катерину возле опушки с лисичками и черникой, а сама направилась искать другую. Она пообещала отойти недалеко и обещание выполняла, покрикивая: «Ау!»

Катерина не обратила внимания на чьи-то шаги за своей спиной, она была уверена, что это возвращается Анята. Ее подняли с земли могучие мужские руки и славно тряханули.

– Так вот ты какая, Екатерина Павловна Павлова, – говорил, крепко держа ее за плечи, высокий статный красавец. – А ничего, ничего. Брат правду сказал! – Незнакомец продолжил нагло разглядывать Катерину. Та попыталась сделать несколько шагов в сторону леса. – Сними косынку-то. – Красавец сдернул с Катерины платок. – А ничего баба, в самом соку! Квартира, говоришь, есть? Это хорошо!

Катерина ничего не говорила, она оторопела от одной только мысли, что этот красавец-охотник может с ней сейчас сделать. Сколько романов она прочитала, в которых такие вот красавцы делают с бедными девушками все, что захотят!

И только сейчас она поняла – несчастные бедные девушки не сопротивляются лишь потому, что находятся в полугипнотическом состоянии от их воли, силы и мужественности. Охотник показался Катерине воплощением мужской красоты и сексуальности. Таким, и только таким в своей далекой юности она представляла настоящего принца, который вдруг возникнет из ниоткуда, и она бросится в его объятия.

Катерина закрыла глаза, надеясь, что этот мираж рассеется через мгновение и она снова примется спокойно объедаться черникой.

Охотник воспользовался ее замешательством и стремительно подтащил Катерину к лесу. Он прислонил ее к дереву и прижался всем телом. Катерина задрожала, она сама не знала почему: то ли от его близости, то ли от страха. Сильная рука охотника властно подняла длинную юбку Катерины и оказалась на голом бедре. Катерина боялась посмотреть в глаза грубияна, слишком велик был соблазн рухнуть с ним в траву и наплевать на все придуманные ею же правила. И кто бы ее осудил?! Она одинокая, а значит, свободная женщина и может вытворять с принцами все, что им заблагорассудится. Неужели ее до этих мыслей довело одиночество?! И она готова с первым попавшимся... упасть в траву?! Катерина попробовала вырваться и сказать ему...

Но красавец не дал сказать ни слова. Он жадно припал своими губами к ее перепачканному черникой рту... Неизвестно, чем бы завершилось это приключение, если бы Аню-

те не надоело безответно кричать: «Ау!»

– Захар! Стервец! – всплеснула она руками. – Тебе своих баб мало?! Отпусти девку, нечего ее лапать!

– Сладкая, – Захар облизал губы и опустил юбку Катерины.

– Да как вы можете?! – запоздало взвизгнула дачница, отталкивая от себя нахала.

– Отлично могу, – заявил тот, прижимая Катерину к себе снова. – Тебе понравится.

– Пошляк! – вскрикнула Катерина и, собрав все силы, оттолкнула Захара.

Он улыбнулся, поднял брошенное на траву ружье и, на свистывая, отправился дальше. Катерина села у дерева и глупо посмотрела на Анюту, присевшую рядом с ней.

– А он что, – тихо спросила она, – действительно мог?!

– Ох, – вздохнула та, – сколько из-за него девок пострадало! Этот стервец все может. Охмурит любую. Вот и ты попала на его удочку. А у него один только внешний лоск. Души у него нет! Зато есть невеста Оксана. Страдает бедная девушка безмерно, он изменяет ей налево и направо. Обещает жениться, да только, как я думаю, врет. Ему богатая невеста нужна, а та что? Гольтьба гольтьбой. Брат его, участковый, и подыскивает ему. Видно, тебя присоветовал.

– А что с меня взять? Я ж небогатая невеста, – пожалала плечами Катерина. – Да и замуж я не хочу.

– Врешь, – подмигнула ей Анюта, – замуж все хотят! Та-

кого не бывает, чтоб девушка замуж не хотела, это противосто-
естественно. – Она пристально посмотрела на Катерину. –
Если только ты не того...

– Да не того я, не того, – отмахнулась Катерина, повязывая
платок на голову. – У меня с ориентацией все в порядке. А
чего хорошего в замужестве? Будет, – она кивнула в сторону,
куда скрылся Захар, – бегать от меня налево и направо.

– Будет, – согласилась с ней Аня. – Этот будет, а другой,
может, и нет.

Они переглянулись и рассмеялись.

Больше Аня не рисковала и ни на шаг не отходила от
Катерины. Они набрали по корзинке грибов – сначала одну
корзинку набрала Аня, а потом вторую набрала она же, и
вернулись из леса довольные, так больше никого и не встре-
тив. Зато у дома Катерины они столкнулись с Карпатовым.

– По грибочки ходили? – поинтересовался он, заглядывая
в корзины.

– По грибочки, – ответила Аня.

– И как, удачно? – сварливо спросил писатель, как будто
подозревающий Катерину с Аней во всех смертных гре-
хах.

– Обалдеть как, – вырвалось у Катерины, которая жутко
покраснела.

– Ну, ну, – пробормотал Карпатов, заметивший ее смуще-
ние, и пошел дальше.

– Чего ему надо? – не поняла Катерина. – Уж не ревнует

ли?

– А кто ж его знает? – пожала полными плечами Анюта. – Мужское сердце – сплошные потемки.

Катерина сразу с ней согласилась. С чего бы Резиденту ее ревновать, если он не видел той сцены у дерева в лесу? Или он, оправдывая свою кличку и прячась за болотные кочки, шел за ними следом?! Вот уж будет потеха, если он следил за ней! Такой солидный, надутый гусь и вдруг опустился до слежки. Катерина вздохнула. Глупости все это, никуда он не опускался и следить за ней не собирался. И пошел он, между прочим, к Любке-стриптизерше! Катерина тоскливо посмотрела ему вслед. Интересно, а если бы он накинулся на нее в темном дремучем лесу, она бы испытала такое же возбуждение, как с тем красавцем-охотником?! Вспоминать Захара было мучительно больно. Не потому что ничего так и не случилось. Очень даже хорошо, что не случилось! Его поцелуй до сих пор жжет ее губы.

Во всем виновато одиночество. В том, что она чуть не пала так низко, виновато именно оно. Нет, она сама виновата, нужно заниматься личной жизнью и выходить замуж. Люди добрые, вот она, Екатерина Павлова, согласна выйти замуж! Давайте ей скорее жениха на блюдечке с голубой каемочкой. Где же он, ее жених? Она слепенькая, плохо видит. Ах, его нет?! Что?! Оказывается, она опоздала, не попала под раздачу женихов, занималась квартирой, любимой работой, дочкой. Нужно заняться собой! Взять и заняться! Взять и вы-

скочить замуж, как будто ей уже не за тридцать, а всего лишь семнадцать лет. Не думая, не соображая, полагаясь лишь на собственную интуицию и внешние данные кавалера.

Выскочить за красавца-охотника и целоваться с ним дни и ночи напропалую! Чего еще нормальной бабе нужно? Любви?! А есть ли она, эта любовь?! Вон как забилось сердце Катерины, когда сильные мужские руки потребовали от нее страсти. Конечно, свою роль сыграло ружье. Но нужно признаться самой себе, что она ни на минуту не усомнилась в том, что перед ней не маньяк, а вполне привлекательный мужчина, который хочет от нее только одного... В этом-то и дело.

После тридцати начинаешь смотреть на жизнь трезвым взглядом, насколько это позволяет вчерашнее похмелье. И розовые очки юности теряются безвозвратно. Страсть уходит. А медики говорят, страсть – это химический дисбаланс в нашем организме с повышенным артериальным давлением. Остается проза жизни. И прожить ее хочется так, чтобы не было мучительно больно...

– Ты чего его на грибочки не позвала? – спросила Аня и тоже посмотрела вслед удаляющемуся писателю.

– А он бы пошел? – вопросом на вопрос ответила Катерина.

– А куда бы делся? Мужики вечно голодные сидят, им только свистни. Но ты не переживай, я сейчас тебе расскажу, что и как нужно с грибочками делать. Дам сметаны, и мы с

тобой приготовим такое блюдо, что нашего писателя от него и от тебя нужно будет оттягивать за уши.

– А это не будет выглядеть так, как будто я ему навязываюсь? – сомневалась Катерина.

– Еще чего! – возмутилась Аня. – Ты ж это по-соседски делаешь.

Георгий Карпатов специально сделал небольшой крюк, заметив возвращающихся из леса женщин, для того чтобы лишний раз убедиться в полной бесперспективности Синеглазки. Но ее корзина, как ни странно, оказалась полной, а лицо – раскрасневшимся и довольным. Неужели он ошибался в этой неумехе и она способна подстроиться под деревенскую жизнь и даже получать от нее удовольствие?! Карпатов пожал плечами и направился к месту назначения, куда он, собственно, и собирался: в соседний дом, к Карелиной. Безусловно, он мог не заходить в сам дом, так же как и не видеть его хозяйку, а просто сунуть журнал в ее почтовый ящик и вернуться к себе. Сегодня он собирался основательно поработать. Но встреча с Синеглазкой изменила его намерения.

Карпатов встал у калитки Карелиной и несколько раз свистнул. Любовь моментально высунулась в окно и радостно замахала рукой.

– Ах, Георгий! Проходите, проходите. Сори, извините меня, я не одета...

Карпатов прошел, постучал свернутым в трубочку гля-

цевым журналом по садовому столу и решительно уселся за него.

– Ах, Георгий! Как мне неудобно, что вам приходится исправлять ошибки нашего почтальона. – Карелина в японском кимоно нараспашку бежала к нему. Следом, р-гавкая, бежала ее собачонка. – Но я вам так благодарна, так благодарна! – щебетала Любовь, запахивая халат и стеснительно отводя взгляд в сторону.

– Да уж, – пробормотал Карпатов, вытирая платком лоб. Он поймал себя на мысли, что ему безразличны прелести соседки до протiwоестественной степени, и испугался за свой организм.

Карелина была хороша собой, со всеми выпуклостями и окружностями в нужных местах. Но они не волновали воображение писателя, хотя именно воображение должно было дорисовать пикантные подробности. Но они его не интересовали, как и сама Карелина. На данный момент его больше волновало, как бы Синеглазка не набрала ложных лисичек, которые сейчас отварит и съест. Он отогнал от себя глупые мысли. Вместе с Синеглазкой в лесу была Аня. Уж она-то не допустит того, чтобы Синеглазка объелась ядовитых грибов и отравилась.

– Изумительный журнал, – ворковала между тем Любовь, подсовывая писателю бокал с наливкой, – я без него, как без рук. Не понимаю, как другие на отдыхе обходятся без гламура?! Лично я не могу. Я следую тенденциям постоянно и

безотрывно.

– Это очень хорошо, – согласился с ней Карпатов, – тенденциям нужно следовать. – Должен же он был хоть что-то сказать!

– За любовь! – воскликнула Карелина и подняла свой бокал.

– Да я не пью, – спохватился Карпатов, вскакивая со стула, – сегодня. Очень много работы. Нужно сделать одно, дописать другое... – Он без зазрения совести врал – писать роман он так и не начал. Но честно собирался это сделать сегодня. – Давайте, Любочка, за любовь выпьем в следующий раз!

И подумал о том, что следующего раза может и не быть. Карелина же, несмотря на то что писатель не пригубил ее наливки, особенно не расстроилась. Ничего, главное сделано, он к ней сам зашел. И еще зайдет неоднократно! Недаром она, оформляя подписку на летние месяцы, всю корреспонденцию выписала на свое имя, но на его адрес. Она позаботилась о том, чтобы у писателя был повод к ней зайти. И не один. Газеты приходили каждый день, жаль только, что местный почтальон, разгильдяй и выпивоха, разносил их по понедельникам, в единственный день, когда был трезв. Зато собранная за неделю кипа ни за что не поместится в почтовый ящик, и Карпатов будет вынужден отдавать ее лично Любе в руки. Она все рассчитала правильно.

Она долгое время работала плановиком на крупном пред-

приятии, которое впоследствии разорилось. Но это ей не помешало использовать методы планирования на любовной практике, что она с успехом делала, охмуря двух своих мужей. Писатель Георгий Карпатов жутко был похож на третьего. Просто вылитый ее следующий муж. Вот только он сам этого не осознавал, и приходилось подсказывать ему пути сближения.

– Жду следующего раза, – заявила Карпатову перед его уходом Любочка. – Вы так и не попробовали мою наливку, а лучше меня такую наливку никто не делает. Еще я варю чудесное варенье, вы должны попробовать земляничное, а к тому же...

– Терпеть не могу варенье, – признался Карпатов, закрывая за собой калитку.

– А что вы терпите?! – не унималась Любочка. – Георгий, что вы любите?!

– Грибы! – выпалил писатель и направился к своему дому. Он действительно собирался работать. Сегодня или никогда Карпатов должен был усадить себя за роман. Иначе вся задумка пойдет прахом! Он выкроил пару месяцев для того, чтобы сбежать от этих оглоедов – студентов университета, забрался в глушь, отключил мобильный и приготовился к исполнению заветной цели в своей жизни. Он, преподаватель психологии и практикующий психолог, должен написать важный труд в своей жизни. И никакие бабы ему в том не станут помехой.

Карпатов поднялся к себе в кабинет и выглянул в окно. Синеглазка с Анютой чистили и мыли грибы. Сейчас они начнут их готовить, и придется закрыть окно, чтобы аромат грибов не будоражил воображение. Все-таки оно у него есть. И чувство голода ему только на благо.

Голодный автор всегда может создать шедевр! То, что сытому в голову не придет, голодному всегда померещится. Как мираж, в виде летающей булки с сыром. Он ради нее такое создаст! А если вместо сыра перед ним колбаса спланирует или тарелка с жареными грибами?!

Если автор худой, то значит, что он голодный и талантливый. Чем худее, тем талантливее. Если упитанный и случайно накропал какой-то там шедевр, значит, сидит на диете. И кропает, кропает, пока мимо него колбаса планирует. Только он ее в руки возьмет, рот раскроет – пшик! Лист пустой, а мусорная корзина полная. И опять диета! До тех пор, пока светиться не станет, пока через него на другую стенку смотреть можно будет, чтоб со шваброй в углу путали. Два раза тобой пол помыли – значит, готов. Садись и пиши! Воспаленное голодом сознание нарисует такие яркие картины в воображении! Букв не хватит, чтобы отобразить их на бумаге:

- о...оо...ООО! – Булка мимо спланировала.
- о...ОО...ООО! – С колбасой.
- О...ОО...ООО! – Тарелка с жареными грибами мимо проплыла.

Все читают и содрогаются: «Талант! Его не зароешь, обязательно откуда-нибудь вылезет!»

И посыпались блага, посыпались, сидишь весь ими уделанный. Рука в забытьи за булкой тянется, в рот всякая всячина лезет, в ушах сладкий звон... Забылся – сразу диета!

Карпатов усмехнулся. Вот отчего дамы постоянно на диетах сидят? Хотят быть талантливее! Они-то уже давно поняли, как добиться успеха. И голодают двадцать четыре часа в сутки до такой степени, чтобы ветерком качало в разные стороны.

Он выглянул в окно. Соседки голодать не собирались и накрывали на веранде стол. Эти – исключение из общего правила, оттого они простые и обыкновенные!

Карпатов сел за стол и настучал две строчки. Лично он – голодный и талантливый. Он сейчас такое напишет, чего сытый автор в своих самых дерзких мечтах не видел. Диета – вот она, сестра таланта. Для того чтобы создавать шедевры, рот нужно скотчем заклеивать, чтоб сытая жизнь только мерещилась, чтоб мимо постоянно булка планировала... И создавай, создавай, пока голодный и талантливый. Только голодный автор может создать шедевр!

Карпатов откинул прядь волос со лба, задумчиво поднял глаза к потолку и занес над клавиатурой руку...

– Господин писатель! А, господин писатель! – послышалось из окна.

Рука, как будто по ней ударили молотком, безжизненно

свалилась на клавиатуру. Они не дадут ему спокойно работать! Что бы он ни делал, эти бабы найдут способ забросить все дела. Писатель принялся, в окно совершенно беспардонно лез запах жареных грибов.

– Господин писатель! – надрывалась Анюта. – Извольте высунуться в окошко!

– Что там еще у вас? – Карпатов появился в окне с недовольным видом. – Снова Семен застрял?

– Ему сегодня застревать некогда, – призналась Анюта, – они сегодня кабана загоняют. Только я думаю, после вчерашнего перебора ни один кабан им не попадет. Кабаны, они же за версту чуют запах самогонки. Нет, у нас не Семен застрял. У нас Катерина...

– А! – обрадовался писатель. – Значит, это она застряла! И где же на этот раз? В колодце?!

– Нет, – пыталась достучаться до его одурманенного писательством сознания Анюта, – она не застряла. Она грибов нажарила в сметане. Вкусных! Чувствуете, какой аромат?! Катерина такая рукодельница! Она и грибы жарит, и крестиком вышивает, и носки на зиму вяжет...

Карпатов сглотнул слюну.

– Я за нее рад! – заявил он, намереваясь закрыть свое окно.

– Георгий! – из-за спины Шкарпеткиной появилась Катерина. – Заходите, я вас грибами угощу.

– Премного благодарен, – прошипел писатель, – но мне

сейчас некогда. Я работаю! – И он с раздражением захлопнул окно. Только голодный автор может создать шедевр!

– Чего это он? – обиделась на соседа Катерина. – Мы же не его есть собирались, а грибы. А он на нас посмотрел, как на людоедов.

– Странно, – подумала вслух Анята, – по идее, он должен был прибежать вприпрыжку. Как же вы там в своем городе живете, раз не можете мужика в дом едой заманить?!

– Так и живем, – вздохнула Катерина, – что не можем. Городские мужики теперь пошли одухотворенные, им одной пищи мало, им духовную подавай. Близость интересов, соитие планов.

– А нормальная близость с соитием что, уже не годится? Только Захару она требуется? Что же, нашими деревенскими мужиками мы теперь будем в стране планы по деторождению выполнять?! А городские будут опусы писать и потолок разглядывать?! Нет, не оставлю я его в покое! Не дам ему портить показатели капиталистического детопроизводства. Узнает он у меня еще, что такое Анята Шкарпеткина.

– Кто, – поправила ее Катерина, с тоской глядя на мансардное окно. – Кто такая.

– Без разницы, – резанула по воздуху раздосадованная отказом Анята. – Ух, я ему, – и она погрозила окну кулаком.

Карпатов вернулся за стол и попытался заново настроить себя на писательский лад. Итак, только голодный автор может что-то создать. Действительно, он голодный, а этот омер-

зительный запах жареных лисичек в сметане предательски лезет сквозь щели в раме, заполняя собой весь кабинет. Разве ж можно в такой обстановке работать?! Карпатов захлопнул ноутбук и пошел в спальню.

Он расположился на постели, крепко-накрепко закрыв за собой дверь. Ха! Спальня находится на противоположной стороне дома, теперь пусть Синеглазка со своей соседкой вдоволь накричатся, он все равно ничего не услышит.

– Без меня тебе, любимый мой, земля мала, как остров! – орала Любочка Карелина во дворе своего дома, вертя стройным задом у длинного шеста. Она специально проигнорировала строгое расписание, заметив в открытом окне спальни длинную нескладную фигуру писателя. Вот, настал ее звездный час! Наконец-то он ею заинтересовался! Она столько безответно мучилась, пытаясь привлечь его внимание к себе.

Карелина скинула халатик, обнажая прелести, затянутые в гламурный купальник, и принялась выделывать у шеста такие па, что сердце любого мужчины затрепетало бы, если не от вожделения, то хотя бы из-за интереса к ее стройной фигуре. Но трепетал или нет писатель, ей не было видно. Однако она не теряла надежды и продолжала крутиться.

Да, он забыл, что окна спальни выходят на ее двор. Но эта-то хоть одна! И с ней Карпатов уже объяснился, смутно намекая на следующий раз. Пусть ждет, ему сейчас некогда. Он должен начать роман. И не с ней. Уж если с кем он и начнет роман, то с Синеглазкой. И то, после того как она поссо-

рится со своим ангелом-хранителем Анютой. И не роман во- все он с ней начнет, а будет ее курировать во время трудно- го деревенского отдыха. Принесет воды, что ли, чтоб она не мучилась. Карпатов тяжело вздохнул, в голову лезли какие угодно мысли, но только не те, что были нужны для эпопеи. Он плюнул и принялся стучать по клавиатуре.

– Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом! – не унималась Любочка, сгоняя в процессе танца лишние ки- лограммы.

Карпатов встал и подошел к окну. Стервы! Они нигде не дают ему покоя!

– Р-гав! Р-гав! – открыла его инкогнито неугомонная Пэ- ррис и принялась лаять на окно.

– Лететь с одним крылом! – надрывая голосовые связки, воодушевленно заорала полуголая Любочка, заметив колых- нувшуюся занавеску на окне писательской спальни.

– Р-гав!

Карпатов плюнул и вернулся на кровать. Он нахмурил лоб, призвал свой талант и принялся яростно бить по кла- виатуре. Через три часа он изможденно откинулся на посте- ли. Все, он исполнил свой долг, начал роман-эпопею об от- ношениях мужчин и женщин. Он все-таки начал! Карпатов с удовлетворением посмотрел на экран ноутбука, который в уголке показывал немислимое количество написанных ли- стов. Эка, его прорвало! Он написал главу практически на одном дыхании. Ай да Карпатов, ай да сукин сын!

Писатель взгляделся в собственные строчки и не поверил своим глазам. Ничего похожего о рассуждении на тему отношения полов не было ни в одной из них. Все страницы, все до единой, оказались началом обыкновенного любовного романа, рассказывающего о необыкновенной любви молодого писателя к привлекательной и беспомощной синеглазой даме.

Карпатов схватился за голову и ноутбук. Он вбежал в свой кабинет и посмотрел в окно. Так и есть! Синеглазка торчала во дворе дома и не собиралась никуда съезжать. Ему придется мучиться все лето, мучиться и искоренять в себе зарождающееся к ней чувство. Это ложное чувство ответственности и боязни за чужую жизнь, которое многие путают с любовью. Нет ее, этой любви! Сказки все это, глупости.

У Карпатова что-то закололо в левом боку, когда он увидел угрюмую Синеглазку, сидевшую рядом с забором. Она жаловалась чучелу на то, что сосед-писатель не пришел есть ее стряпню!

Карпатов почесал затылок, нужно было согласиться и зайти на часок. С него бы не убыло. Все равно написал какую-то галиматью. Но уничтожить написанное он не стал.

Глава 4

Гутен морген, гутен таг, бьют по морде, бьют и так

Анюта варила щи на террасе и поглядывала в сторону реки, на берегу которой, как морские тюлени, обездвиженно лежали дачники. В самой реке кто-то тонул, неистово махал руками и, захлебываясь, кричал: «Караул!» Тонущего дачника, а деревенские все, как один, прекрасно умеют плавать, подхватила старая лодка Степаныча и привезла на берег. «У нас в деревне люди хорошие, – думала Анюта, шинкуя капусту, – никого не обижают. Дачник какой или что похуже, всем помогут. Они же, эти дачники, народец хилый, но любознательный, натерпелись в своем смоге и лезут, как тараканы по щелям, в деревню на свежий воздух. Дуреют от него и чего только не вытворяют!»

Анюта вспомнила Ефросинью, которая каждое лето жила в курятнике. Дом она сдавала городским жителям. Она уже и кудахтать научилась, петух на нее заглядываться начал, за свою принял. Прошлый раз бабы у колодца разорались, барабашку какого-то увидели. Звуки он издавал нечеловеческие. Жуткие, прямо сказать, звуки. Позвали Семена, он мужик здоровый, сразу того барабашку из колодца выудил. Дачником оказался, жильцом Ефросиньи. Он кран в колодце ис-

кал, чтобы воду пустить.

А на днях мужики пошли сети на Оке проверять, так не барабашку, а целого крокодила поймали. Вытащили на берег, стоят черепушки чешут, что с такой диковиной делать, не знают. Неужто ядерные отходы в реку попали или что похуже, раз щуки в крокодилов стали оборачиваться? Расстроились, запили с горя. А как оказалось, крокодил-то нездешний! Один городской житель вместе с крокодилом приехал свежим воздухом дышать. Нормальные дачники с женами вместо крокодилов приезжают, что жена, что крокодил – один ляд. А этот с крокодилом прикатил, да тот у него на свободу убежал. Дачник мужикам ящик водки поставил за пойманного крокодила. Те и напились с радости.

И чего только не покажется с нетрезвых глаз! Последнюю бутылку опорожняли, когда русалку в реке заметили. Тонула вроде. Кинулись ее спасать, вытащили на берег, и впрямь русалкой оказалась. Глазищи огромные, испуганные, волосы, как тина. Только потом разглядели, что у нее хвоста нет, когда русалка нецензурной бранью закричала. Городская жительница оказалась, модница с зелеными волосами.

Анюта вздохнула. Больше всего, конечно, бабам достается, непривычные они к сюрпризам, вечно им чертовщина какая-то мерещится. Пошла она как-то с приятельницами в лес за ягодами, много набрали, назад возвращались, радовались. Вдруг из кустов малины выскакивает нечто непонятное, выхватывает у одной корзинку с ягодами и начинает их

себе в рот горстями запихивать! Бабы испугались, подумали, что это леший одноглазый их обирает, оказалось, дачник. Несколько дней по лесу блуждал не жравши, отошал, оброс. Еле определили, какого он пола, когда, черники наевшись, он за юбки цепляться начал и ласку требовать. Пришлось им еще несколько верст до дороги отмахать, чтоб проводить его до города. Жалко, хоть и дачник, а все же живое существо.

Анюта забросила капусту в бульон и помешала щи в огромной кастрюле. «Добавлю для вкуса грибочков», – подумала она. За ними, городскими, нужен глаз да глаз. Только не догляди! Недавно одного грибника в лесу встретила. Идет с полной корзиной мухоморов и радуется. Еле ее тащит. «Кайфовать, – говорит, – собираюсь!» Наркоманом оказался! Пришлось деревенских мужиков попросить вылечить его от этой зависимости. Несколько дней бражкой отпаивали, одна канитель – чужое здоровье спасать.

Зато благодаря дачникам Никитична полное обследование задарма прошла в дорогушей клинике! Довели они ее до сердечного приступа. Забрался как-то ее козел к ним в огород капустой полакомиться. Ясное же дело, козел не мамонт, много ли ему надо? Никитична почти сразу же и пошла его с чужого огорода выгонять, часов так через пару. А дело было в сумерках. Вдруг выскакивают два пугала, все в зеленых пятнах, морды лица в клетку, кричат и руками машут. Бедная бабка свалилась без чувств среди недоеденных капустных вилок. Оказалось, это дачники выскочили в мас-

кировочных халатах и москитных сетках, они такую защиту придумали от местных комаров. Прямо в чем спали, в том и выскочили, спросонья-то не переодевшись.

Анюта добавила поджарку и грибочков, посолила варево и попробовала на вкус. Обожгла язык и вспомнила Степаныча. Он от дачников полгода заикался. Пошел человек ночью чин чином до ветру, тут-то его родимчик и хватил! Степаныч перед этим на соседнем огороде привидение увидел. Страшное такое привидение, все в белом, по огороду летает и кричит: «Прочь пошел, проклятый! Прочь!» Долго Степаныч не разговаривал, все молчал и заикался. А та, которая летала, к нему и так, и этак: уговаривала близко к сердцу ночное происшествие не принимать. Она же не со зла летала в белой простыне, она клубнику свою защищала от дрозда.

По большому счету, польза от этих дачников все же имеется. У Авдотки прошлым летом жил профессор, специалист по ночным бабочкам. Не по тем, которые мужиков до нитки обирают, а которые капусту до кочерыжки выгрызают. Как он ими увлекся! Собирал паразиток, изучал. После его изучения такой урожай был! А у Степаныча дачники огород перекопали даром. Он им сказал, что белогвардейцы в его огороде клад закопали из царских монет. Все перелопатили, монет не нашли.

Откуда же им взяться-то, белогвардейцам, если и красноармейцев-то здесь никто в глаза не видел? Советской власти как не было, так и нет, каждый живет сам по себе. Глупые

они, городские, к деревенской жизни совершенно не приспособленные.

Анюта посмотрела вдаль: на бугре копошились двое мужчин, судя по одежде – городские жители. Она выключила плитку и пошла узнать, в чем там дело. Бугор, конечно, не ее собственность, но следить за ним нужно. Только чего не догляди, тотчас разворуют. Проснешься так, в одно непрекрасное утро, раз – а бугра-то и нет!

– Доброго вам здравичка! – крикнула Анюта по-хорошему через хлипкую оградку, отделяющую ее огород от бугра. – Чего тунеядцы и разгильдяи удумали?!

– Вас ист дас? – прогундосил высокий подтянутый мужик другому – толстому и низенькому.

– Ихь бин нихьт, – пожал плечами тот, испуганно глядя на могучее тело Шкарпеткиной.

– Фрау! Фрау! – обратился к ней высокий. – Бите, энт-шульдиген зи бите! Ви говорити по-русски?

– Вот немчура какая! – рассердилась Анюта. – А на каком языке, по-твоему, я говорю?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.